

Ключевые слова: чтение, понимание, герменевтика, микроконтекст, герменевтический круг, герменевтическая спираль.

Чтение, взаимно переплетаясь с другими видами речевой деятельности, обеспечивает формирование и развитие отдельных психологических процессов, операций и их комплексов, способствующих саморазвитию личности. Сегодня мы всё чаще сталкиваемся с тем, что художественный текст как связь времён, как источник традиций, передающий опыт человечества, больше не воспринимается таковым. В большинстве случаев навыком становится только один вид чтения, так называемое «медленное чтение» или «про себя», совершенствованию же других видов чтения в зависимости от цели и характера текста не уделяется должного внимания. К сожалению, привычный литературоведческий анализ текста не всегда приближает массового читателя, особенно школьника, к пониманию классики: ведь художественный текст даже специалисту открывается не вдруг и не сразу. В связи с этим наблюдается непрерывное падение уровня читательского интереса и глубины понимания художественного произведения.

Зачастую, являясь визуалами, юные читатели запоминают только содержание произведения или же лишь способны воспроизвести «чужое», уже готовое понимание. Современное прочтение классических произведений возможно с помощью другого подхода, более доступного, позволяющего читателю, не оперируя сложными теоретическими понятиями, постепенно погружаться в текст, воспринимать его интуитивно, а значит, более эмоционально, и что особенно важно сейчас, обрести радость познания. Поэтому мы предлагаем рассмотреть герменевтический анализ текста как риторический аспект совершенствования чтения.

Понятие «герменевтика» обозначает деятельность человека в процессе понимания и интерпретации текста. Название термина герменевтика (др.-греч. *ἑρμηνεύω* – искусство толкования) восходит к имени древнегреческого бога Гермеса, который

Риторический аспект чтения как вида речевой деятельности

О.Е. Ермилина

Читать – значит выявлять смыслы,
а выявлять смыслы –
значит их именовать.

Ролан Барт [2, с. 27]

В данной статье рассматривается герменевтический анализ текста как риторический аспект совершенствования процесса чтения. Изложены ключевые элементы герменевтического анализа: понимание, микроконтекст, герменевтический круг, представленный в работе как герменевтическая спираль. Сущность нового подхода отображена на примере рассказа А.П. Чехова «Душечка». Методика данного подхода позволяет глубже понять художественный текст, открыть новые возможности его прочтения.

считался вестником богов и истолкователем их предназначений.

Вслед за немецким учёным Ф. Шлейермахером, основателем философской герменевтики, сформулируем функцию герменевтики: она призвана устранять барьеры для понимания. Герменевтика необходима там, где мы имеем дело с ситуацией непонимания. Философская герменевтика видит процесс понимания как бесконечный, что воплощается в принципе герменевтического круга.

На основе герменевтики возможны и необходимы научные разработки. Поэтому существуют философская, психологическая, педагогическая, филологическая герменевтики. Предметом филологической герменевтики является **понимание** – усмотрение и освоение идеального, представленного в текстовых формах. Как пишет Г.И. Богин, «подобно тому, как нет непознаваемого, нет и недоступного пониманию, т.е. нет текстов, которые нельзя понять, а есть лишь непреодоленные герменевтические ситуации, есть лишь тексты, которые кем-то ещё не поняты. Преодоление этой непонятности зависит, разумеется, от того, что человек делает, чтобы её преодолеть» [3].

В XX веке герменевтика стала больше, чем просто конкретной теорией или наукой, – она стала принципом философского подхода к действительности.

Рассмотрим теперь взаимодействие ключевых элементов герменевтического анализа текста: понимания, микроконтекстов, герменевтической спирали. Художественный текст интерпретируется в процессе понимания. Понимание есть вчувствование в духовный мир другого человека, сопереживание его эмоциям и мыслям.

По определению Г.И. Богина, пониманием текста обычно называют обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности. Следует отметить, что вопрос о сущности понимания текста – один из самых трудных в филологии. Пониманием является основная ипостась рефлексии, возникающая в момент фиксации рефлексии, а «высказанная рефлексия есть интерпретация» [3].

Для непрерывного процесса постижения смысла художественного текста необходимо понятие микроконтекста.

По мнению Л.С. Якушиной, **микроконтексты** – значимые единицы художественного текста, которые определяют его поэтикой, т.е. текст состоит из множества осмысленных микроконтекстов, и рождение смысла протекает от взаимодействия первого микроконтекста со вторым, второго с третьим, первого с третьим, а третьего с пятым и так далее до встречи с последним, как это схематично изображено на рис. 1. Завершение этого процесса представляет собой интерпретацию текста и рефлексию читающего, осмысление им сути прочитанного, когда понимание превращается в знание, которое определяет процесс собственного развития.

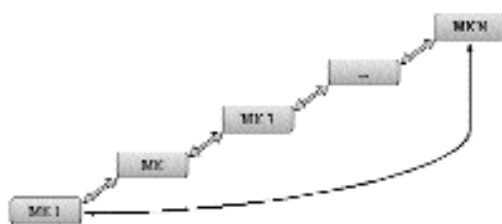

Рис. 1. Взаимодействие микроконтекстов

Другим базовым элементом герменевтического аспекта анализа текста является понятие герменевтического круга.

Герменевтический круг – метафора, описывающая взаимообусловленность объяснения и интерпретации, с одной стороны, и понимания – с другой.

При понимании произведения часть понимается через целое, а целое через часть, причём при последовательном переходе от первой части ко второй, от второй к третьей и т.д. всякий раз понимание целого изменяется. Происходит как бы возвращение назад и уточнение, переосмысление предыдущего материала.

Схематично герменевтический круг может быть представлен, как показано на рис. 2.

Полное понимание произведения состоит из диалектического синтеза предварительных пониманий его частей, из осмысления влияния деталей

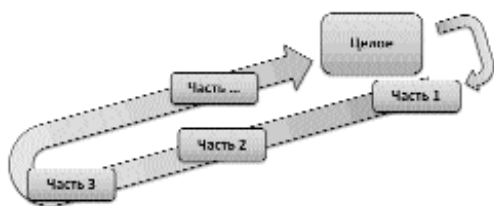

Рис. 2. Герменевтический круг

биографии автора на замысел произведения, его сюжет, содержание и на индивидуальный стиль. Кроме того, должна учитываться соразмерность творческих потенциалов автора текста и личности интерпретатора. По мысли Г.И. Богина, «смешанный характер переживания, его ориентированность на частные рефлексивные акты, на реминисценции и реставрации, реактивации и прочие средства ориентировки читателя в наборе отстоящих и вновь «вынырывающих» смыслов, обеспечивают связь того, что могло бы оказаться бессвязным» [3].

Рассмотрим, как осуществляется движение понимания по герменевтическому кругу, на примере рассказа «Душечка» А.П. Чехова, взяв для сопоставления только один ряд микроконтекстов, представляющих собой общение самой Оленьки (а именно её речь, мысли, поведение) с объектом её любви. Чехов в этом рассказе использует свой излюбленный приём повторения ситуаций (эпизодов-микроконтекстов). Первым микроконтекстом становится рассказ о том, как Душечка полюбила антрепренёра Кукина: «...Оленька слушала Кукина молча, серьёзно, и, случалось, слёзы выступали у неё на глазах. В конце концов несчастья Кукина тронули её, она его полюбила...». Ироничная интонация автора создаётся алогичным объяснением чувств Оленьки: «...Он был мал ростом, тощ, с жёлтым лицом, с зачёсанными височками, говорил жидким тенорком, и когда говорил, то кривил рот; и на лице у него всегда было написано отчаяние, но всё же он возбудил в ней настоящее, глубокое чувство...». В довершение, чтобы читатель точно не воспринял серьёзно такую любовь,

Чехов добавляет: «Она постоянно любила кого-нибудь и не мог-

ла без этого...». Описание счастливой семейной жизни запоминается подчёркнутой нелепостью всего: Душечка беззаветно растворяется и без того в смешных мнениях своего избранника, его «театральной» деятельности, полностью отождествляя себя с ним: «...Завтра мы с Ванничкой ставим «Орфея в аду», приходите».

Нелепы и беспокойство Душечки, которое она сравнивает с волнением кур в отсутствие петуха, и даже телеграмма о смерти Кукина.

Вторым микроконтекстом в этом ряду становится история нового замужества Душечки, причём читатель, невольно вспоминая и сравнивая этот эпизод с предыдущим, не может не заметить ту же парадоксальность изображения эмоций Оленьки при встрече с Пустоваловым (он ей очень понравился, несмотря на печаль): «...Через три дня пришёл с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела, как в лихорадке...». Повторение микроконтекста-фразы «после свадьбы жили хорошо» не оставляет сомнений, что всё происходящее уже было в жизни Душечки, поэтому нетрудно предугадать дальнейшее развитие событий. Практически дословно повторены причитания Оленьки о смерти второго мужа. С каждым повтором микроконтекста авторская ирония всё возрастает, а взаимодействие этих микроконтекстов усиливает мотив нелепости такой любви. Для контраста Чехов отображает сознание Оленьки, когда она осталась одна: «... теперь же и среди мыслей и в сердце у неё была такая же пустота, как на дворе. И так жутко, и так горько, как будто обжёлась полыни» [1, с. 320]. Соединяясь с повторяющимися эпизодами, этот микроконтекст ещё больше усиливает авторскую иронию.

И вновь Чехов воспроизводит ситуацию встречи с воплощением любви: Душечка повторяет слова гимназистика Саши с такой любовью, что ироничная интонация автора почти вытесняется скрытой лирической.

Открытый финал рассказа соотнесён с началом рассказа. Читатель, за-

метив подчеркнутое сходство двух телеграмм (одной – извещавшей о смерти, другой – воображаемой), совершит движение по герменевтическому кругу: если бы действительно пришла телеграмма от матери Саши с требованием вернуть его в Харьков, она была бы для Душечки равносильна извещению о смерти. Более того, вследствие взаимодействия повторяющихся эпизодов как микроконтекстов создаётся впечатление бесконечной замкнутости внутреннего мира Душечки, ограниченного чужими мнениями.

Общепринятую метафору герменевтического круга, на наш взгляд, можно образно представить в виде **герменевтической спирали**; это обусловлено тем, что понимание, проходя по герменевтическому кругу, не остаётся неизменным, оно углубляется, то есть восходит на новый уровень, вследствие этого более понятным, наглядным является образ герменевтической спирали (см. рис. 3).

Такое взаимодействие смыслов порождает метасмысл текста, вбирая в себя все связи и отношения в представленной текстом действительности бытия, коммуникации, мышления, воплощает собой художественную идею, возникающую из непрерывной рефлексии надо всем, что есть в тексте, и составляющую опыт читателя. Процесс понимания, его восхождение по герменевтической спирали, вследствие взаимодействия микроконтекстов, и составляют сущность, своеобразие и механизм работы герменевтического аспекта анализа текста.

Рис. 3. Герменевтическая спираль

В основу нашего исследования положены результаты изучения сущности герменевтического анализа и сопоставления литературоведческого и герменевтического анализа на занятиях студентов-филологов. В ходе проведения эксперимента удалось доказать, что уровень интерпретации и понимания знакомого художественного текста изменился. В процессе чтения в сознании читателя происходит наращивание смысла за счёт взаимодействия микроконтекстов. Важную роль в этом процессе играет рефлексия, в результате которой в сознании складывается вторичный текст, состоящий из прямых номинаций. Результатом такой рефлексии становится истолкование читателем текста, собственная интерпретация.

Герменевтический анализ текста позволяет глубже понять, по-новому постичь художественный текст знакомого произведения, открывает новые возможности прочтения художественного текста; не только совершенствует интерпретацию текста, но и рождает эмоциональное восприятие художественного произведения, живую реакцию, а также способствует более глубокому пониманию в процессе чтения.

Литература

1. *Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фр. ; под ред. Г. К. Косикова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001.*
2. *Бахтин, М.М. Проблема текста. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10.*
3. *Богин, Г.И. Обретение способности понимать : Введение в филологическую герменевтику / Г.И. Богин // <http://www.koob.ru/bogin/hermenevtika>.*
4. *Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А.А. Брудный. – М., 2003.*
5. *Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.*
6. *Маяковский, В.В. Два Чехова. Полн. собр. соч. / В.В. Маяковский. – М., 1955.*
7. *Рикёр, П. Конфликт интерпретаций : Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М., 1995.*
8. *Ладыженская, Т.А. Риторика. / Т.А. Ладыженская, З. Смелкова, Н.А. Ипполитова ; под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2006.*
9. *Скафтымов, А.П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А.П. Скафтымов // Русская литературная критика. – Саратов, 1994.*

10. Хайдеггер, М. Понимание и истолкование / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – М., 1993.

11. Чехов, А.П. Собрание сочинений в 12 томах. Том 8 / А.П. Чехов. – М., 1965.

12. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М., 1971.

13. Шлейермахер, Ф.Д.Е. Герменевтика / Ф.Д.Е. Шлейермахер. – М., 1993.

14. Шпет, Г.Г. Герменевтика и её проблемы / Г.Г. Шпет // Контекст. – М., 1992.

15. Эко, У. Два типа интерпретации / У. Эко // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 21.

16. Якушина, Л.С. Своеобразие чтения художественного текста / Л.С. Якушина // Риторика / Под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2006.

Ольга Евгеньевна Ермилина – магистр филологии, аспирант Московского педагогического государственного университета, г. Москва.